

Платон и платоноведение

Ирина Протопопова

«В себе» и «вне себя»:
об очищении души в «Федоне» (79d1)*

IRINA PROTOPOPOVA

IN AND OUT OF SELF: ON PURIFICATION OF SOUL IN *PHAEDO* 79D1

ABSTRACT. In this short note, the author continues to look into the problem of Plato's "subject". One of her main theses is that Plato's so-called subjectivity changes in accordance with different spheres of existence, explicitly described in the sixth book of the *Republic* (509–511), and then modified at the beginning of the seventh book in the Allegory of the Cave. In the present article, an attempt is made to show how this issue may be traced even in minimal sections of Plato's text. Here, this is demonstrated by considering different possible translations of the phrase ἐξῆ ἀὐτῇ in 79d1 of the *Phaedo*. The author deems that it should be translated not from ἐξεσσι, but from ἐξίημι, which is a better grammatical fit with the preceding γένηται. However, the main argument is not grammatical, but rather substantive: the context of "incantations" against the fear of death, which emphasizes the need for complete purification of the soul during one's life by detachment from sensory perceptions, defines here the description of a "pure", "uncompounded" state leading to radical transcendence. Plato's logic in this fragment is illustrated using relevant passages from Plotinus' treatise *On Cognizing Hypostases and What is Beyond* (Enn. 5.3). In conclusion, the author emphasizes that she does not insist on the correctness of the proposed translation of ἐξῆ in this context as a derivative of ἐξίημι, but only speak of a very high probability thereof justified by the meaning of "exiting" the composite "subjectivity", as it exists on other levels of existence, to an extra-sensory, "simple" and "divine" state beyond it.

KEYWORDS: the *Phaedo*, subjectivity, translation, uncompoundedness, purification, Plotinus, unity, mind, soul, transcendence.

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный ун-т.
Платоновские исследования / Platonic Investigations 22.1 (2025) DOI: 10.25985/PI.22.1.01

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971, <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>.

В этой небольшой заметке я продолжаю раскрывать проблематику «субъекта» у Платона. Один из моих главных тезисов заключается в том, что так называемая субъектность меняется у него в соответствии с разными сферами сущего, эксплицитно описанными в шестой книге «Государства» (R. 509–511), а потом модифицированными в начале седьмой книги в «аллегории пещеры». Здесь я попытаюсь показать, как даже на минимальных участках текста можно фиксировать эту проблематику — в данном случае продемонстрирую это на примере разных возможностей перевода фразы ἐξῆς αὐτῇ во фрагменте 79d1 диалога «Федон».

В так называемом третьем аргументе «Федона» Сократ рассуждает, на что больше похожа душа: на составное (συντεθέντι) и сложное и, соответственно, имеющее свойство распадаться, или на несоставное (ἁσύνθετον), простое, неизменяемое и неуничтожимое. Предлагается гипотеза, что составное — это зримое, к которому относится телесное, несоставное — невидимое, и к нему ближе душа. Но поскольку она связана и с телом, чувственное восприятие влечет ее к вещам изменяемым, от соприкосновения с которыми душа блуждает в смятении и шатается как пьяная (αὐτὴ πλανᾶται καὶ ταράττεται καὶ εἰλιγγιᾷ ὥσπερ μεθύουσα, ἅτε τοιούτων ἐφαλτομένη, *Phd.* 79c).

Сразу вслед за этим идет интересующий нас пассаж.

Ὅταν δέ γε αὐτὴ καθ' αὐτὴν σκοπῇ, ἐκεῖσε οἴχεται εἰς τὸ καθαρὸν τε καὶ αἰὶ ὄν καὶ ἀθάνατον καὶ ὡσαύτως ἔχον, καὶ ὡς συγγενῆς οὖσα αὐτοῦ αἰὶ μετ' ἐκείνου τε γίγνεται, ὅταν περ αὐτὴ καθ' αὐτὴν γένηται καὶ ἐξῆς αὐτῇ, καὶ πέλαυται τε τοῦ πλάνου καὶ περὶ ἐκεῖνα αἰὶ κατὰ ταῦτά ὡσαύτως ἔχει, ἅτε τοιούτων ἐφαλτομένη· καὶ τοῦτο αὐτῆς τὸ πάθημα φρόνησις κέκληται; (*Phd.* 79d1–5)

В переводе С.П. Маркиша это выглядит так:

Когда же она ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где всё чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собою и не встречает препятствий.

Здесь наступает конец ее блужданиям, и, в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным, она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем разумением, правильно?

Здесь блужданиям души, пользующейся чувственными восприятиями, противопоставляется ее чистота и неизменность, когда она от них отрешается. Это парафраз описания подлинного познания, которое Сократ предлагает в начале диалога:

— Но в таком случае самым безукоризненным образом разрешит эту задачу тот, кто подходит к каждой вещи средствами одной лишь мысли (τῇ διανοίᾳ) (насколько это возможно), не привлекая в ходе размышления ни зрения, ни иного какого чувства и ни единого из них не беря в спутники рассудку (τοῦ λογισμοῦ), кто пытается уловить любую из сторон бытия самое по себе, во всей ее чистоте (αὐτὸ καθ' αὐτὸ εἰλικρινὲς ἕκαστον), вооруженный лишь мыслью самой по себе, тоже вполне чистой (αὐτῇ καθ' αὐτήν εἰλικρινεῖ τῇ διανοίᾳ χρώμενος), и отрешившись как можно полнее от собственных глаз, ушей и, вообще говоря, от всего своего тела, ибо оно смущает душу всякий раз, как они действуют совместно, и не дает ей обрести истину и разумение (φρόνησιν). Разве не такой человек, Симмий, больше всех преуспеет в исследовании бытия? (*Phd.* 65e–66a)¹

Чуть дальше эта тема повторяется с акцентом на процедуре «очищения»:

Κάθαρσις δὲ εἶναι ἄρα οὐ τοῦτο συμβαίνει, ὅπερ πάλαι ἐν τῷ λόγῳ λέγεται, τὸ χωρίζειν ὅτι μάλιστα ἀπὸ τοῦ σώματος τὴν ψυχὴν καὶ ἐθίσαι αὐτὴν καθ' αὐτὴν πανταχόθεν ἐκ τοῦ σώματος συναγείρεσθαι τε καὶ ἀθροίζεσθαι, καὶ οἰκεῖν κατὰ τὸ δυνατόν καὶ ἐν τῷ νῦν παρόντι καὶ ἐν τῷ ἔπειτα μόνην καθ' αὐτήν, ἐκλυομένην ὥσπερ [ἐκ] δεσμών ἐκ τοῦ σώματος;

— А очищение — не в том ли оно состоит (как говорилось прежде), чтобы как можно тщательнее отрешать душу от тела, приучать ее собираться из всех его частей, сосредоточиваться самой по себе и жить, насколько возможно, — и сейчас, и в будущем — наедине с собою, освободившись от тела, как от оков? (*Phd.* 67cd)

¹ Здесь и далее пер. С.П. Маркиша.

Отрешение души от тела как философская практика — это, по сути, лейтмотив всего диалога. В третьем аргументе он воспроизводится наиболее настойчиво: после *Phd.* 79d1–5 в развернутом виде описано, как тело и чувственные восприятия сбивают душу с толку, и потому философия советует душе собираться и концентрироваться в себе самой (συλλέγεσθαι καὶ ἀθροίζεσθαι; ср. 65cd: συναγείρεσθαι τε καὶ ἀθροίζεσθαι), не верить ничему другому кроме как самой себе, когда она сама по себе мыслит само по себе сущее (83ab)².

Тот же мотив в сходных выражениях повторяется в *Phd.* 80b, 80e, 81ab, 82c, 82e–83b.

Это излюбленный Платоном прием «формульного повторения», когда практически одна и та же формулировка воспроизводится многократно с небольшими вариациями. В «Федоне» такой прием приобретает дополнительный акцент, поскольку Сократ называет здесь философские рассуждения «заклинаниями», с помощью которых можно развеять детский страх смерти.

— Так ведь над ним придется каждый день произносить заклинания (ἐπῄδειν), пока вы его совсем не исцелите, — сказал Сократ.

— Но где же нам взять чародея, сведущего в таких заклинаниях (ἀγαθὸν ἐπωδὸν), если ты, Сократ, нас покидаешь? (*Phd.* 77e–78a)

Итак, необходимость прижизненного отрешения души от тела для подлинного философствования — главное «заклинание» «Федона». Имея в виду этот контекст, вернемся к пассажу *Phd.* 79d1–5, где тоже говорится о том, как душа направляется к чистому и неизменному и оказывается рядом с ним «сама по себе». Обратим внимание на фразу, которую Маркиш переводит «как только остается наедине с собою и не встречает препятствий». По-гречески здесь так: ὅτανλερ αὐτὴ καθ' αὐτὴν γένηται καὶ ἐξῆ αὐτῇ, то есть слово ἐξῆ Маркиш переводит как «не встречает препятствий». Это значит, что он видит здесь форму 3 sg. conj. praes. act. глагола ἔξεστι ('позволено').

² αὐτὴν δὲ εἰς αὐτὴν συλλέγεσθαι καὶ ἀθροίζεσθαι παρακελευομένη, πιστεύειν δὲ μηδενὶ ἄλλῳ ἄλλ' ἢ αὐτὴν αὐτῇ, ὅτι ἂν νοήσῃ αὐτὴ καθ' αὐτὴν αὐτὸ καθ' αὐτὸ τῶν ὄντων.

На первый взгляд, такой перевод вполне правомерен, поскольку препятствием здесь считается чувственное восприятие. Более того, при сравнении разных переводов обнаруживается довольно дружное согласие среди их авторов. Приведем несколько примеров:

- Д. Лебедев: «пока это для нее возможно»³.
- Б. Джоветт: *when she is by herself and is not let or hindered* («когда она сама по себе и ей никто не препятствует и не мешает»)⁴.
- Х.Н. Фаулер: *whenever it is by itself and is not hindered* («всякий раз, когда она сама по себе и ей никто не мешает»)⁵.
- Д. Гэллоп: *whenever it has come to be alone by itself, and whenever it may do so* («всякий раз, когда она оказывается наедине сама с собой, и когда она может это сделать»)⁶.
- Г. Греваль: *at the very time when she herself has come to be by herself and whenever it may be possible for her* («именно в то время, когда она сама пришла к тому, чтобы быть самой по себе, и всякий раз, когда это оказывается для нее возможным»)⁷.
- В комментарии Дж. Стедмана к этому месту стоит: *ἔξ-ἔστι: it is allowed, is possible* («это позволено, возможно»)⁸.

Но вот посмотрим Л. Робена, авторитетного издателя и переводчика Платона, и видим у него весьма своеобразный перевод:

*en raison de sa parenté avec lui, c'est toujours auprès de lui qu'elle vient prendre la place à laquelle lui donne droit toute réalisation de son existence en elle-même et par elle-même*⁹.

Чувствуется, что Робен здесь в затруднении, поэтому предлагает скорее не перевод, а некое переложение, исходящее из своего понимания общего смысла.

³ Лебедев 1896: 53.

⁴ Jowett 1892: 222.

⁵ Fowler 1914: 277.

⁶ Gallop 1975: 28.

⁷ Grewal 2006, п. 146.

⁸ Steadman 2015: 87.

⁹ Robin 1926: 38. «В силу своего родства с ним [телом], она [душа] всегда рядом с ним занимает место, право на которое дает ей осознание своего существования в себе и по себе самой» (пер. А.В. Гараджи).

После этого смотрим тейбнеровское издание «Федона», подготовленное М. Вольрабом. К нашему пассажиру, а конкретно слову ἐξῆ, у него есть краткий, но очень любопытный комментарий: durch Geschäfte, Schlaf, Krankheiten u. dergl. («из-за каких-то дел, сна, болезни и т.п.»)¹⁰. Это можно объяснить тем, что Вольраб исходит из другого толкования формы ἐξῆ, возводя ее не к ἔξεστι в значении ‘возможно, позволено’, а к глаголу ἐξίημι в значении ‘выпускать, исходить’. Тогда выражение будет означать «выходит из себя». А поскольку это аористная форма (3 sg. conj. aor. act.), она отлично согласуется с предшествующим глаголом ὑένηται, точно таким же конъюнктивным аористом; в то же время, если за исходный глагол принять ἔξεστι, то ἐξῆ будет означать не аорист, а презенс. Таким образом, грамматически ἐξίημι подходит лучше¹¹.

Что же значит комментарий немецкого издателя и какое отношение это имеет к нашему контексту? Вспомним диалог «Теэтет», где Сократ приводит примеры того, как душа находится в «измененном состоянии»: болезнь и сон здесь главные примеры (*Tht.* 157e–158). Возможно, Вольраб имел в виду именно это место, но в «Федоне», на мой взгляд, господствует совсем другой контекст, определяющийся прежде всего восхождением души «к самой себе», когда она «собирается» отовсюду из тела и концентрируется сама в себе.

Думается, здесь Платон имеет в виду восхождение души к четвертой ступени сущего, как это описано в метафоре «разделенной Линии» в 6 книге «Государства»: в этой сфере сущего душа вне всяких образов, эйдосами через эйдосы, продвигается к беспредпосылочному началу (τὸ ἐπ’ ἀρχὴν ἀνυπόθετον — ἐξ ὑποθέσεως ἰούσα καὶ ἄνευ τῶν περὶ ἐκεῖνο εἰκόνων, αὐτοῖς εἶδеси δι’ αὐτῶν τὴν μέθοδον ποιομένη... *R.* 510b). При этом выйти в сферу

¹⁰ Wohlrab 1884: 73, n. 14.

¹¹ Добавим, что на одном из интернет-ресурсов можно обнаружить подстрочный перевод «Федона» Хуана и Марии Бальбоа: whenever She Arises into Self According to Self and Goes out («всякий раз, когда она восходит в себя в согласии с собою и выходит вовне»). Здесь прямо указано, что форму ἐξῆ переводчики возводят к глаголу ἐξίημι (Balboa 2021: 39).

чистого внечувственного *ноэсиса* — это одно, а выход к беспредпосылочному началу — это как бы переход за предел, некое радикальное трансцендирование, выход к ἐλέκεῖνα τῆς οὐσίας (R. 509b), или, говоря языком Плотина, к Единому.

Такое толкование очень близко тому, как Плотин описывает «познающие ипостаси» и «трансцендентное» в трактате «О познающих ипостасях и о том, что по ту сторону» (Enn. 5.3). Чтобы познать чистый ум, необходимо познать божественную часть души, а для этого отбросить чувственное восприятие:

А это могло бы произойти вот каким образом: если ты вначале отделишь тело от человека, то есть от себя самого, а затем и формирующую это душу, удалив совсем чувственное восприятие, и желания, и стремления, и весь остальной вздор, поскольку он так сильно склоняет к смертному (Plot. Enn. 5.3.9.1)¹².

Здесь важно, что ты отделяешь тело от человека, то есть от «себя самого» (δηλονότι σαυτοῦ), а затем и формирующую это душу (τὴν πλάττουσαν τοῦτο ψυχὴν). Что же она формирует? Слово πλάσσω в первичном смысле значит «лепить» (из глины, из воска), то есть создавать некий образ, и, соответственно, «воображать», «представлять», «притворяться», «прикидываться». Это можно отнести и к «слепленному» телу, и к той части «себя самого», которая создается как некая смесь желаний и представлений, управляемых прежде всего чувственным восприятием. Это близко к тому, что в метафоре Линии описано как сфера «видимого» (τὸ ὁρατόν), состоящая из «образов-воображения» и предметов веры и мнения, а также к описанным в четвертой книге «Государства» (R. 439–441) двум низшим началам души, «вождедеющему» и «своенравному» (τὸ ἐπιθυμητικόν и τὸ θυμοειδές), которые отличаются друг от друга и могут яростно спорить.

Именно эта «слепленная» часть души оказывается у Платона неким «подражательным», «иллюзорным» субъектом, изменяю-

¹² Γένοιτο δ' ἂν τοῦτο ἴσως καὶ αὐτῇ, εἰ ἀφέλοις πρῶτον τὸ σῶμα ἀπὸ τοῦ ἀνθρώπου καὶ δηλονότι σαυτοῦ, εἶτα καὶ τὴν πλάττουσαν τοῦτο ψυχὴν καὶ τὴν αἴσθησιν δὲ εὖ μάλα, ἐπιθυμίας δὲ καὶ θυμοῦς καὶ τὰς ἄλλας τὰς τοιαύτας φλυαρίας, ὥς πρὸς τὸ θνητὸν νεοῦσας καὶ πάνυ.

щимся и разделенным¹³. Чтобы душа попала в «подлинное» состояние, ей надо обрести простоту и единство, где нет никакой разделенности. Отбрасывая чувственное восприятие, душа может взойти к рассудку (διάνοια), то есть к последовательному дискурсивному мышлению, основанному на логике, а затем и к чистому уму (νοῦς), в котором нет никаких частей. В третьем аргументе «Федона» подчеркивается простота и неизменяемость такого состояния, отсутствие составности (τὸ ἀσύνθετον). Плотин тоже подробно рассматривает «простоту» и «неделимость» чистого ума:

А может ли он одной своей частью наблюдать другую? Но тогда что-то одно было бы видящим, другое — видимым, и это уже не «само в себе» («αὐτὸ ἐαυτό»). А что если целое некоторым образом подобоначально, так что видящее никак не отличается от видимого? (*Enn.* 5.3.5.1–5)¹⁴ Таким образом, выходит, что ум и умопостигаемое — одно, и это — сущее, и это — первое сущее и первый ум, обладающий сущими или, скорее, тождественный с ними (*Enn.* 5.3.5.26–28)¹⁵. Все они одно: ум, умопостижение, умопостигаемое (*Enn.* 5.3.5.43)¹⁶.

То есть отрешение души от чувственно-телесного и тем самым от «слепленной» части «себя» есть очищение как переход к «чистому», вне-образному, несоставному и неизменяемому состоянию *эйдетического нозиса* — а это уже преддверие того, что выше мы назвали радикальным трансцендированием и выходом в Единое. Именно словами о стремлении к Единому завершает Плотин трактат о познающих ипостасях.

Достаточно ли сказанного, чтобы остановиться? Нет, еще больше страдает душа родовой мукой. Возможно, она должна уже вот-вот родить, переполненная родовыми муками. Но не нужно ли

¹³ См. Протопопова 2023.

¹⁴ Ἄρ' οὖν ἄλλῳ μέρει ἑαυτοῦ ἄλλο μέρος αὐτοῦ καθορᾷ; Ἀλλ' οὕτω τὸ μὲν ἔσται ὁρῶν, τὸ δὲ ὁρώμενον· τοῦτο δὲ οὐκ «αὐτὸ ἐαυτό». Τί οὖν, εἰ πᾶν τοιοῦτον οἶον ὁμοιομερές εἶναι, ὥστε τὸ ὁρῶν μηδὲν διαφέρειν τοῦ ὁρωμένου;

¹⁵ Ἐν ἄρα οὕτω νοῦς καὶ τὸ νοητὸν καὶ τὸ ὄν καὶ πρῶτον ὄν τοῦτο καὶ διὴ καὶ πρῶτος νοῦς τὰ ὄντα ἔχων, μᾶλλον δὲ ὁ αὐτὸς τοῖς οὖσιν.

¹⁶ Ἐν ἅμα πάντα ἔσται, νοῦς, νόησις, τὸ νοητόν.

нам спеть другое заклинание, если мы сможем найти где-нибудь заклинание по поводу ее родовой муки? Скорее всего, оно найдется в сказанном, если кто-то будет повторять заклинание снова и снова (*Enn.* 5.3.17.15–20).

Здесь мы видим явную контаминацию темы родов тела и души из «Пира» (*Smr.* 206–209, 212a) и тему заклинаний души от страха смерти из «Федона» (*Phd.* 77e–78a). В «Федоне» словами о заклинаниях заканчивается «второй аргумент», а первая половина третьего как раз состоит из таких повторяющихся «формульных» заклинаний. Однако как можно даже в «заклинании» описать «простое» и «единое»? — спрашивает Плотин, подчеркивая, что *διανόη* есть последовательное рассуждение. Здесь возможно, говорит он, *прикосновение* умом (*νοεῖν* ἑφάψασθαι), но пока оно длится (хотя времени здесь нет), невозможно ни рассуждать, ни говорить об этом, и только позднее можно делать какие-то умозаключения (*Enn.* 5.3.17.23–28).

На мой взгляд, фразу αὐτὴ καθ' αὐτὴν γένηται καὶ ἐξῆς αὐτῇ в «Федоне» нужно понимать именно в таком «заклинательном» контексте, который расшифровывает Плотин и в котором ἐξῆς αὐτῇ означает полный «выход из себя», радикальное трансцендирование.

Но можно задать вопрос, почему этот пассаж заканчивается словами о том, что такое состояние называется *разумением* (τοῦτο αὐτῆς τὸ πάθημα φρόνησις κέκληται), который обычно означает нечто, связанное с дискурсивным мышлением. Однако в «Федоне» φρόνησις встречается в весьма «возвышенных» контекстах.

Во-первых, это пассаж о том, что единственная «правильная монета», в обмен на которую нужно всё отдавать и которая гарантирует не миметичность, но подлинность добродетелей, — это именно разумение; однако и оно является лишь средством полного очищения, описываемого как полное мистериальное посвящение (*Phd.* 69a–c). Во-вторых, в «заклинательной» части третьего аргумента Сократ говорит, что очистившиеся души уходят в подлинный Аид, то есть к благому и разумному богу (παρὰ τὸν ἀγαθὸν καὶ φρόνιμον θεόν, 80d5). Понятно, что «разумный бог» —

это отнюдь не отсылка к рассудку, а, наоборот, к чистейшему и божественному состоянию души. В-третьих, чуть дальше в очередной «формуле» Сократ рассказывает, где поселяется после смерти чистая душа, которая «уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное (τὸ θεῖόν τε καὶ ἄθάνατον καὶ φρόνιμον), и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, и — как говорят о посвященных в таинства — впредь навеки поселяется среди богов» (81a4–9).

Таким образом, здесь φρόνησις отнюдь не снижает описываемое состояние до чего-то рассудочно-дискурсивного, но, наоборот, становится маркером «божественного» и «бессмертного».

В заключение подчеркну, что я вовсе не настаиваю на единственной правильности перевода ἐξῆν в данном контексте «Федона» как производного от ἐξίημι, но говорю лишь об очень большой вероятности, оправданной смыслом «выхождения» за пределы составной «субъектности», как она существует на других уровнях сущего, во внечувственное, «простое» и «божественное» состояние.

Литература

- Лебедев, Д., пер. (1896), «Федон». *Разговор Платона*. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина.
- Протопопова, И.А. (2023), “Сократ и подражатели: «миметический» и «подлинный» субъект у Платона”, *Платоновские исследования* 19: 81–96.
- Balboa, J. and M., trs. (2021), *Plato. Phaedo: An Interlinear Translation with English and Ancient Greek*. URL: <https://archive.org/details/phaedo-balboa>
- Fowler, H.N., tr. (1914), *Plato. Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus*. Harvard University Press.
- Gallop, D., tr. (1975), *Plato. Phaedo*. Oxford: Clarendon Press.
- Jowett, B., tr. (1892), *The Dialogues of Plato*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press.
- Grewal, G., tr. (2018), *Plato's Phaedo*. The Center for Hellenic Studies. URL: <https://chs.harvard.edu/primary-source/platos-phaedo-trans-gwenda-lin-grewal>
- Protopopova, I. (2023), “Socrates and Imitators: Plato’s ‘Mimetic’ and ‘Authentic’ Subjects”, *Platonic Investigations* 19: 81–96. (In Russian.)
- Robin, L., ed. (1926), *Platon. Œuvres complètes*. T. 4: *Phédon*. Paris: Les Belles Lettres.
- Steadman, G., ed. (2015), *Plato's Phaedo. Greek Text with Facing Vocabulary and Commentary*. Published by Geoffrey Steadman.
- Wohlrab, M., ed. (1884), *Platons Phaedon*. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner.